DOI 10.24412/2658-3550-2026-1-178-202
УДК 930.26:5

Светлой памяти
коллеги и наставника
Аллы Викторовны Гарковик

ПАМЯТНИК ЕВСТАФИЙ-4: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ИЗВЕСТНОГО КОМПЛЕКСА[1]

Е.А. Сергушева, Н.А. Дорофеева, И.В. Белова

В статье представлены результаты повторного анализа данных, полученных А.В. Гарковик на поздненеолитическом памятнике Евстафий-4 в 1983 г. Необходимость такого исследования обусловлена появлением в последние годы новых данных, позволяющих в свете современных представлений о зайсановской культурной традиции (ЗКТ) проанализировать доступный археологический материал памятника, провести его сравнение с близкими культурно-хронологически комплексами. На основе морфологических признаков и особенностей орнаментации керамики, сходства типов каменного инвентаря материалы Евстафия-4 отнесены к юго-восточному варианту ЗКТ, типолист которого был расширен и существенно дополнен в последние годы. Яркой чертой керамического комплекса памятника является декор в виде рядов косых прочерченных линий, меандрового узора и вертикального зигзага. Орудийный набор включает ретушированные наконечники стрел, скребки, оббитые мотыги, единично — шлифованные изделия. Значительное количество различных галечных орудий может быть объяснено

Елена Альбертовна Сергушева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Elena Al'bertovna Sergusheva, PhD, Senior Researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

E-mail: lenasergu@gmail.com

Наталья Алексеевна Дорофеева, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Nataliya Alekseevna Dorofeeva, Junior Research Fellow at the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

E-mail: dnaal@list.ru

Ирина Владимировна Белова, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Irina Vladimirovna Belova, Junior Research Fellow at the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

E-mail: irceo@mail.ru

[1] Публикация подготовлена в рамка работы по теме государственного задания «Генезис и эволюция древних культур и средневековых цивилизаций Дальнего Востока России и смежных зон Восточной Азии» (126021116977-5).

доступностью сырья и сезонным функционированием памятника. Анализ не изучавшейся прежде коллекции макроботанических остатков подтвердил существование у этого населения растительного собирательства, объектами которого были плоды лещины, маньчжурского ореха, дуба, яблони-дички. По образцам плодов впервые для памятника получены две AMS-даты, продемонстрировавшие его функционирование в интервале 4237—4091 кал. л.н. Совокупный анализ ландшафтной приуроченности памятника, планиграфического распределения материала, стратиграфических наблюдений, результатов изучения коллекций артефактов и макроботанических остатков позволил реконструировать Евстафий-4 как сезонную стоянку, на которой небольшой коллектив носителей юго-восточного варианта ЗКТ проживал по меньшей мере в первой половине осени с целью вылова и заготовки проходного лосося.
Ключевые слова: Приморье, поздний неолит, зайсановская культурная традиция, юго-восточный локально-хронологический вариант, сезонная стоянка, собирательство, рыболовство.

THE ARCHAEOLOGICAL SITE EVSTAFIY-4: A NOVEL READING OF A WELL-KNOWN COMPLEX

E.A. Sergusheva, N.A. Dorofeeva, I.V. Belova

The article presents a reanalysis of materials from the Late Neolithic site of Evstafiy-4, excavated by A.V. Garkovik in 1983. This study was prompted by new data that allow the site's assemblage to be reassessed within the framework of modern understandings of the Zaisanovka cultural tradition (ZCT) and compared with comparable complexes. Based on similarities in the morphology and decoration of pottery, as well as in lithic toolkit types, the Evstafiy-4 materials are assigned to the southeastern variant of the ZCT, the typological set of which has been expanded and significantly supplemented in recent years. A prominent feature of the site ceramic is the decoration by oblique incised lines, meander motifs, and vertical zigzags. The lithic toolkit includes retouched arrowheads, scrapers, chipped hoes, and occasional polished artifacts. The abundance of pebble tools likely reflects local raw material availability and the seasonal function of the site. An analysis of the macrobotanical remains collection confirmed the existence of plant gathering, targeting the fruits of hazel, Manchurian walnut, oak, and wild apple tree. Two AMS dates place the site occupation in the interval of 4237—4091 cal BP. A comprehensive analysis of the planigraphic distribution of material, stratigraphy, artifact assemblages, macrobotanical remains, and site catchment data suggests that Evstafiy-4 functioned as a seasonal camp. A small group of the people of the southeastern ZCT variant occupied the site during at least the first half of autumn, engaging in the seasonal fishing and preservation of anadromous salmon.
Keywords: Primorye, Late Neolithic, Zaisanovka cultural tradition, southeastern local-chronological variant, seasonal camp, gathering, fishing.

ВВЕДЕНИЕ

Поздний неолит на территории Приморья представлен памятниками зайсановской культурной традиции (ЗКТ). Культура была выделена в конце 50-х гг. XX в. после изучения эпонимного памятника (Андреев 1957, 1960). Последующее накопление материалов происходило медленно, не систематически. Несколько ускорился процесс в новом столетии, когда с применением естественно-научных методов были проведены работы на десятке археологических памятников, получены информативные и содержательные коллекции; защищено несколько диссертационных исследований, осветивших различные аспекты зайсановской культуры. К настоящему времени совокупность новых и накопленных ранее материалов позволяет перейти на качественно новый уровень интерпретации ЗКТ (Дорофеева, Белова, Сергушева 2025).

Происхождение ЗКТ связывают с миграциями населения из сопредельных районов восточной Маньчжурии, где известны археологические комплексы, близкие зайсановским (Морева, Попов, Фукуда 2002: 66; Вострецов и др. 2003: 92—93). Приток носителей новой традиции на территорию Приморья не был единовременным событием, происходил неоднократно. Считается, что главным триггером этих миграций были климатические изменения (Вострецов 2005, 2018).

Новые культурные группы и варианты, различающиеся ареалами, временем существования, особенностями археологических комплексов, формировались в результате адаптации мигрантов к локальным условиям и взаимодействия с местным населением (Вострецов 2005, 2018; Морева и др. 2017). На основе культурно-хронологического принципа выделено четыре локально-хронологических варианта (ЛХВ) ЗКТ: раннезайсановский, хасанский, приханкайский, юго-восточный (Яншина, Клюев 2005; Морева и др. 2009; Крутых 2012). Из-за нехватки данных и малочисленности «чистых» комплексов они изучены неравномерно, что затрудняет разработку археологической типологии.

Всестороннее исследование отдельных археологических комплексов и их соотнесение с ЛХВ по-прежнему остаётся актуальной задачей изучения позднего неолита Приморья. В этой связи важным представляется анализ материалов ранее исследовавшихся комплексов в свете современных данных для уточнения их культурно-хронологической позиции в общей схеме ЗКТ и верификации прежних реконструкций.

Данная статья вводит в научный оборот результаты исследования доступных материалов однослойного памятника Евстафий-4[2], раскопки которого в конце XX в. были проведены А.В. Гарковик. Обращение авторов к данным Евстафия-4 обусловлено значительным прогрессом

[2] Авторы использовали публикации А.В. Гарковик, сохранившиеся фрагменты керамических изделий, а также коллекцию макроботанических остатков.

в изучении юго-восточного варианта ЗКТ, произошедшим после исследований в 2016—2017 гг. под руководством Н.А. Клюева памятника Водопадное-7. Анализ содержательной коллекции его материалов, сопряжённых с данными абсолютной хронологии, привёл к разработке развёрнутой характеристики варианта (Дорофеева и др. 2017). Таким образом, в нашем распоряжении появился инструмент, позволяющий предметно анализировать материалы ранее исследованных памятников, принадлежность которых к юго-восточному ЛХВ была не очевидной или дискуссионной.

ИСТОРИЯ И ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА ЕВСТАФИЙ-4

Бухта Евстафия находится на западном побережье Японского моря в Ольгинском муниципальном округе Приморья. А.В. Гарковик рассматривала её побережье как «своеобразный геоархеологический район», где в ходе разведочных работ 1958—1959 и 1983—1986 гг. выявлено 25 археологических памятников (Гарковик 2011). Один из них — Естафий-4 — изучался в ходе стационарных раскопок (рис. 1). Памятник расположен на прибойно-намывной террасе в центральной части бухты, не имеет внешних признаков. Открыт и обследован Г.И. и Ж.В. Андреевыми в 1958 и 1959 гг. (Андреев, Андреева 1962: 96—97). В 1983 г. А.В. Гарковик провела на нём раскопки, вскрыв 370 м^2 (Гарковик 2011). Известно, что раскопки на памятнике проводились в 1990, 1991 гг. Но отчётные материалы не найдены, а результаты раскопок не вводились в научный оборот. Авторы оперировали данными, полученными в 1983 г.

Первые результаты исследований были опубликованы в 1983 г., и впоследствии Алла Викторовна неоднократно возвращалась к этим материалам (Гарковик 1983, 1984, 1985, 1987, 1993, 2011, 2013, 2014). В ранних публикациях дано краткое описание этого однослойного памятника и анализ его археологического материала, обоснована его принадлежность к зайсановской культуре позднего неолита. В последующих научных работах освещены различные аспекты изучения памятника, в том числе характеристика керамических фигурок, особенности стратиграфии и планиграфии, время формирования отложений, сопоставление артефактов Евстафия-4 с материалами исследованных на тот момент памятников. А.В. Гарковик отмечала черты, «связывающие его с приханкайскими комплексами», обращая внимание на сходство с «маргаритовскими керамическими сосудами». На основании комплекса данных она предположила время существования памятника — около 3600 л.н. (Гарковик 2011: 45). В поздних работах фокус внимания Аллы Викторовны был направлен на интерпретацию керамических фигурок. Ею выдвинута гипотеза о наличии

Рис. 1. Карта-схема ареала юго-восточного локально-хронологического варианта зайсановской культурной традиции с расположением стоянки Евстафий-4 и других памятников

в центральной части памятника крупного ритуального сооружения, вокруг которого располагались выявленные комплексы («жертвенники») (Гарковик 1993; 2011: 46—47).

В 1983 г. на памятнике поставлены 3 шурфа (2×4 м) и траншея (36×4 м). Максимальная мощность отложений отмечена в шурфе № 1, где в дальнейшем был заложен раскоп площадью (24×12 м) (Гарковик 2011: 33). Стратиграфия раскопа демонстрирует горизонтальное залегание слоёв без нарушений и интрузий: дёрн (6—8 см), тёмный гумусированный песок (22—24 см), осветляющийся в нижней части на контакте с материком, представленным светло-жёлтым морским песком с разноразмерным галечником. Находки археологического материала связаны с нижней частью гумусированного песка.

В раскопе не выявлены котлованы жилищ, очаги и кострища. Археологический материал группировался пятью скоплениями

(комплексами) (I—V). Они располагались на пологом склоне террасы, обращённой к реке, на расстоянии от 2 до 3,5 м друг от друга (рис. 2). Алла Викторовна интерпретировала их как остатки площадок с навесами или лёгких наземных построек (Гарковик 1984: 25; 1985: 195; 1987; 2013). В её публикациях представлен анализ всего массива находок без разбивки по отдельным комплексам, что не позволяет сравнить их между собой и выявить особенности инвентарных наборов.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе исследования авторы привлекли публикации А.В. Гарковик о раскопках Евстафия-4 в 1983 г. Каменный и керамический материал более полно представлен в статьях 1983, 1984, 2011 и 2013 гг. Также проанализированы сохранившиеся предметы из коллекции керамических изделий, составляющие, вероятно, её наиболее выразительную часть. Кроме этого, исследована коллекция макроботанических остатков. Хотя в публикациях есть упоминания о находках на Евстафии-4 фрагментов «обугленной скорлупы орехов — маньчжурских, кедровых, лещины» (Гарковик 2011: 34), специально этот материал не изучался. Отметим, что Алла Викторовна с особым вниманием относилась к остаткам растений. В ходе раскопок она скрупулёзно отбирала сгоревшие макроостатки, тщательно сохраняла их, передав впоследствии одному из авторов.

Каменный инвентарь представлен 447 предметами. К комплексу первичного расщепления относятся 11 нуклеусов и 357 отщепов, среди которых Н.А. Кононенко выявлены ножи, проколки, скребки и скобели (Гарковик 1984). Характеристика орудийного комплекса дана по имеющимся в публикациях кратким описаниям и немногочисленным фотографиям материла. Он включает ретушированные (наконечники стрел, скребки, скрёбла, проколки), оббитые орудия (мотыги), большую группу маломодифицированных и немодифицированных орудий (тёрочники, куранты, песты, лощила, грузила).

Ретушированные орудия изготовлены из кремнистых пород. Алла Викторовна полагала, что сырьё для них найдено в непосредственной близости от памятника (Гарковик 2011: 34). Наконечники стрел (11 экз.) представлены следующими типами: листовидные с заострённым основанием, ромбовидные, ромбовидно-черешковые, усечённолистовидные с прямым насадом (Гарковик 2011: 36, табл. 3). Скребки концевые (5 экз.) небольшого размера (длиной от 1,9 до 2,6 см) с округлым или прямым рабочим лезвием и выделенным обушком. Заготовки скребков (2 экз.) массивные языковидной формы с прямоугольным или трапециевидным обушком (Гарковик 2011: 36, табл. 3: 6—7).

Шлифованные орудия представлены обломком уплощённого тесла (Гарковик 2011: 40). Оббитые орудия — мотыги (10 экз.), крупные

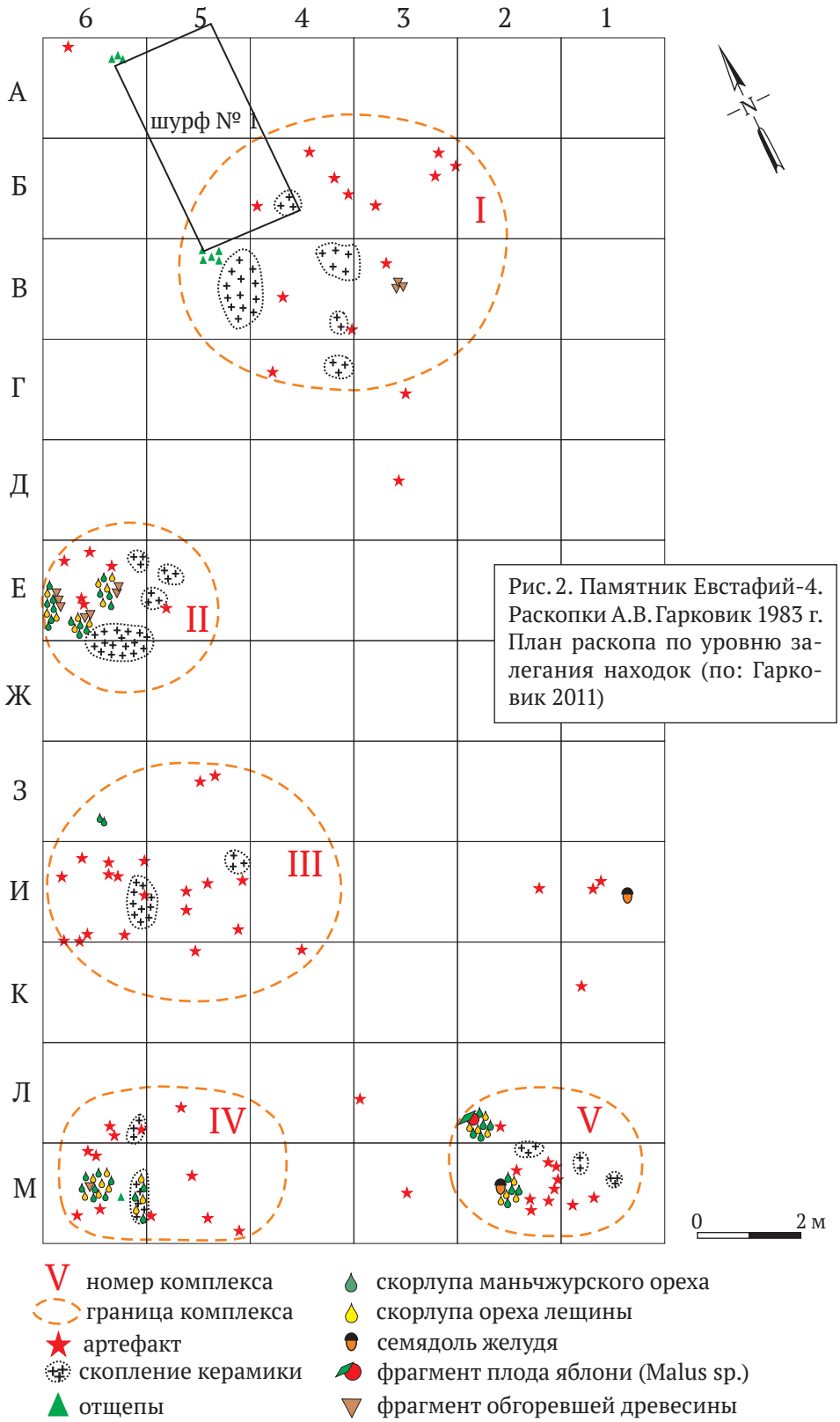

Рис. 2. Памятник Евстафий-4. Раскопки А.В. Гарковик 1983 г. План раскопа по уровню залегания находок (по: Гарковик 2011)

овальной формы с округлой широкой рабочей частью и зауженным обушком (скрипковидные или в форме «подошвы»). На их рабочих частях хорошо видны следы использования (Гарковик 1984).

В качестве немодифицированных и маломодифицированных орудий применялись гальки разного размера и формы. Среди них выделены грузила (3 экз.), отбойники (1 экз.), абразивы (2 экз.), лощила (3 экз.), тёрочники (4 экз.), куранты (5 экз.), песты (2 экз.). Для тёрочников выбирались уплощённые гальки, рабочая зона занимала большую часть плоскостей. На ней отмечены следы использования в виде длинных рисок, ориентированных чаще всего по длинной оси гальки, редко — перпендикулярно ей. У крупных курантов рабочая плоскость располагалась на узкой грани гальки, у мелких — на плоскостях (Гарковик 2011: 39).

Керамический комплекс включает 4548 экз. (фрагменты лепной посуды, изделия) (Гарковик 2011, 2013). Основная масса черепков имеет мелкие размеры и сильно окатана. О морфологии и технологии изготовления сосудов можно судить по сохранившимся крупным фрагментам. Они изготавливались из запесоченной глины ленточно-кольцевым налепом (ширина лент около 3,5 см). Изделия плоскодонные, имеют чёткий угол сочленения дна и тулова (около 120°), иногда с небольшим уступом (Гарковик 2011: 40—42). Толщина стенок — 0,3—0,6 см, поверхности тщательно обработаны. Стенки обмазывались тонким слоем жидкой глины, фиксируются следы лощения всей внутренней поверхности, а с внешней стороны — преимущественно в придонной части, где не наносился орнамент. Отмечается высокое качество обжига сосудов.

В коллекции Евстафия-4 преобладают некрупные ёмкости с горловиной. А.В. Гарковик выделено три морфологических типа сосудов: ёмкости с невысокой горловиной, выпуклым туловом и хорошо выраженными высокими плечиками (I); слабопрофилированные ёмкости с горловиной, образованной отгибом венчика (II); слабопрофилированные ёмкости с невысокой вогнутой горловиной и приострённым венчиком без подлепа (III) (Гарковик 2011: 42; 2013: 679). Сосуды I и II типа преобладают. От сосудов III типа они отличаются зоной орнаментации и мотивами декора. В отдельную категорию выделены миниатюрные ёмкости (Гарковик 2011: 42).

Венчики сосудов I и II типов усложнены узким треугольным в сечении валиком. На внешней стороне их отмечены следы крепления в виде небольших вдавлений. Нижний край валика почти всегда украшался насечками или оттисками орудия шириной около 2 мм. От основания горловины и ниже на плечиках и тулове располагалось орнаментальное поле. Придонная часть не декорирована. А.В. Гарковик выделила две основные композиции в орнаментации тулова: зонально-поясковый узор (36,8%) и вертикальный зигзаг (30%), выполненные прочерчиванием (Гарковик 2011: 43; 2013: 681).

Первый имеет несколько вариантов исполнения: ряды коротких прочерченных линий с наклоном в одну сторону (рис. 3: *2*, *4*, *7*, *8*, *9*, *11*, *12*, *15*); ряды коротких прочерченных линий с наклоном в противоположные стороны (рис. 3: *6*); сдвоенные ряды разнонаправленных прочерченных линий, образующих острый угол (рис. 3: *10*); усложнённые композиции из горизонтальных поясков двойных наклонных линий, объединённых вертикальными рядами таких же линий (рис. 3: *13*, *14*).

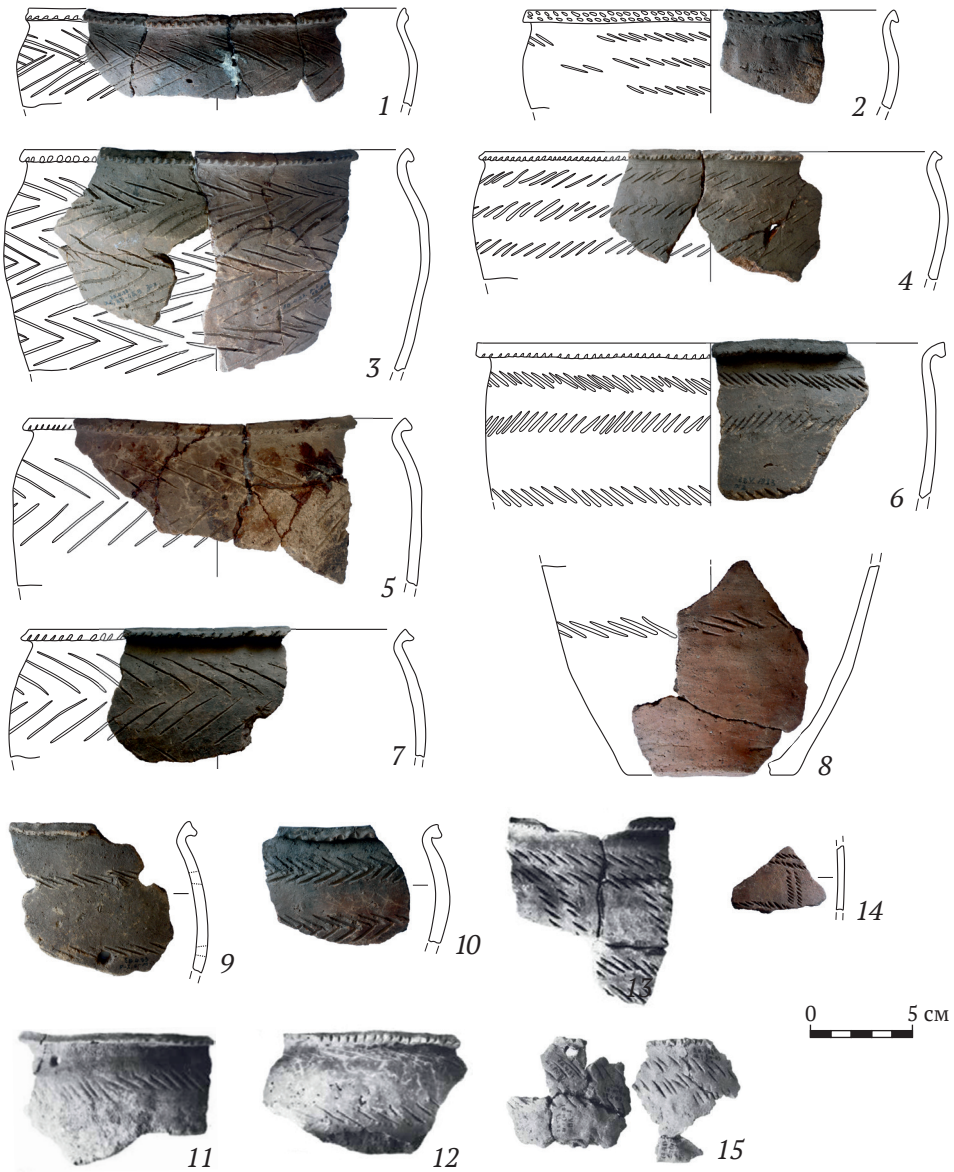

Рис. 3. Памятник Евстафий-4. Раскопки А.В. Гарковик 1983 г. Керамический комплекс: *1—7* — реконструируемые верхние части сосудов; *8* — реконструируемая нижняя часть ёмкости; *9—13* — фрагменты венчиков; *14* — фрагмент стенки с орнаментом; *15* — фрагменты миниатюрного сосуда (*1—10*, *14* — фотографии и рисунки авторов данной статьи; *11—13* — по: Гарковик 2011: 39, табл. 6: 1, 7, 9; *15* — по: Гарковик 2011: 40, табл. 7: 1, 2)

Ширина рядов варьируется от 0,6 до 1 см, расстояние между ними — от 0,9—1 см до 3 см (Гарковик 2011: 43). Выделяется фрагмент верхней части сосуда с венчиком-карнизиком, декорированным двумя рядами каплевидных оттисков штампа и рядами прочерченных штрихов на тулове (рис. 3: *2*). А.В. Гарковик подчёркивала его сходство с декором сосудов маргаритовской культуры (Гарковик 2011: 45; 2013: 682).

Вертикальный зигзаг выполнен одиночными (рис. 3: *3*, *5*), в одном случае сдвоенными прочерченными линиями (рис. 3: *1*). Отмечается также наличие мелких фрагментов сосудов с прочерченным декором (29%), композиция которых не ясна (Гарковик 2011: 43; 2013: 681).

Венчики сосудов III типа не имели подлепа, орнаментальное поле располагалось узким бордюром в верхней части сосуда, чуть ниже устья. Мотив представлял собой меандровый узор из простых L-образных элементов, нанесённый в технике отступающей лопаточки или прочерчивания (рис. 4: *1—6*). Подобный декор отмечен всего у 4% черепков (Гарковик 2011: 43; 2013: 681). Выделяется один небольшой сосуд, у которого декор представлен двумя поясками меандра (рис. 4: *1*, *2*).

Среди сохранившихся фрагментов керамических изделий Евстафия-4 имеются обломки от 13 сосудов (рис. 3: *1—10*, *14*; рис. 4: *5*, *6*). Почти все они были опубликованы А.В. Гарковик. Графически реконструированы семь верхних и одна нижняя часть ёмкостей (табл. 1).

Все частично восстановленные сосуды относятся к ёмкостям среднего размера. Они имеют сходный объём, диаметр их венчиков от 18 до 22,8 см. Часть фрагментов удалось соотнести с конкретными комплексам (табл. 1). Также, судя по иллюстрациям, в комплексе I обнаружены две миниатюрные ёмкости, одна из которых орнаментирована двумя рядами небрежно прочерченных наклонённых штрихов и насечками по кромке венчика (рис. 3: *15*), а в комплексе V — миниатюрный сосуд и два фрагмента с меандром (рис. 4: *3*, *4*) (Гарковик 2013: 678, табл. 2; 2014: 38, рис. 1).

Среди керамических изделий А.В. Гарковик выделены бытовые предметы и вещи неутилитарного значения. К первой категории относятся 12 пряслиц. Они усечённо-конической формы со слабовогнутым основанием, диаметром от 5 до 5,5 см, высотой 1,6—1,7 см (Гарковик 2011: 43—44; 2013: 681). Пряслица декорированы радиально расходящимися сдвоенными прочерченными линиями, пространство между которыми заполнялось косыми штрихами (рис. 4: *8*). У одного орнаментированы обе плоскости: нижняя — спиралевидным орнаментом из округлых оттисков, верхняя — разнонаправленными короткими штрихами (Гарковик 2011: 43) (рис. 4: *7*).

Неутилитарные вещи представлены 12 экз. — украшения (бусины, подвески) и изделия мелкой пластики, часть из которых А.В. Гарковик интерпретировала как зооморфные (змея, нерпа, ёж) и фитоморфные (шляпка гриба) фигурки и связывала их с ритуальными практиками (Гарковик 1993: 102—104; 2011: 43—44; 2013: 681; 2014: 39) (рис. 4: *9—12*).

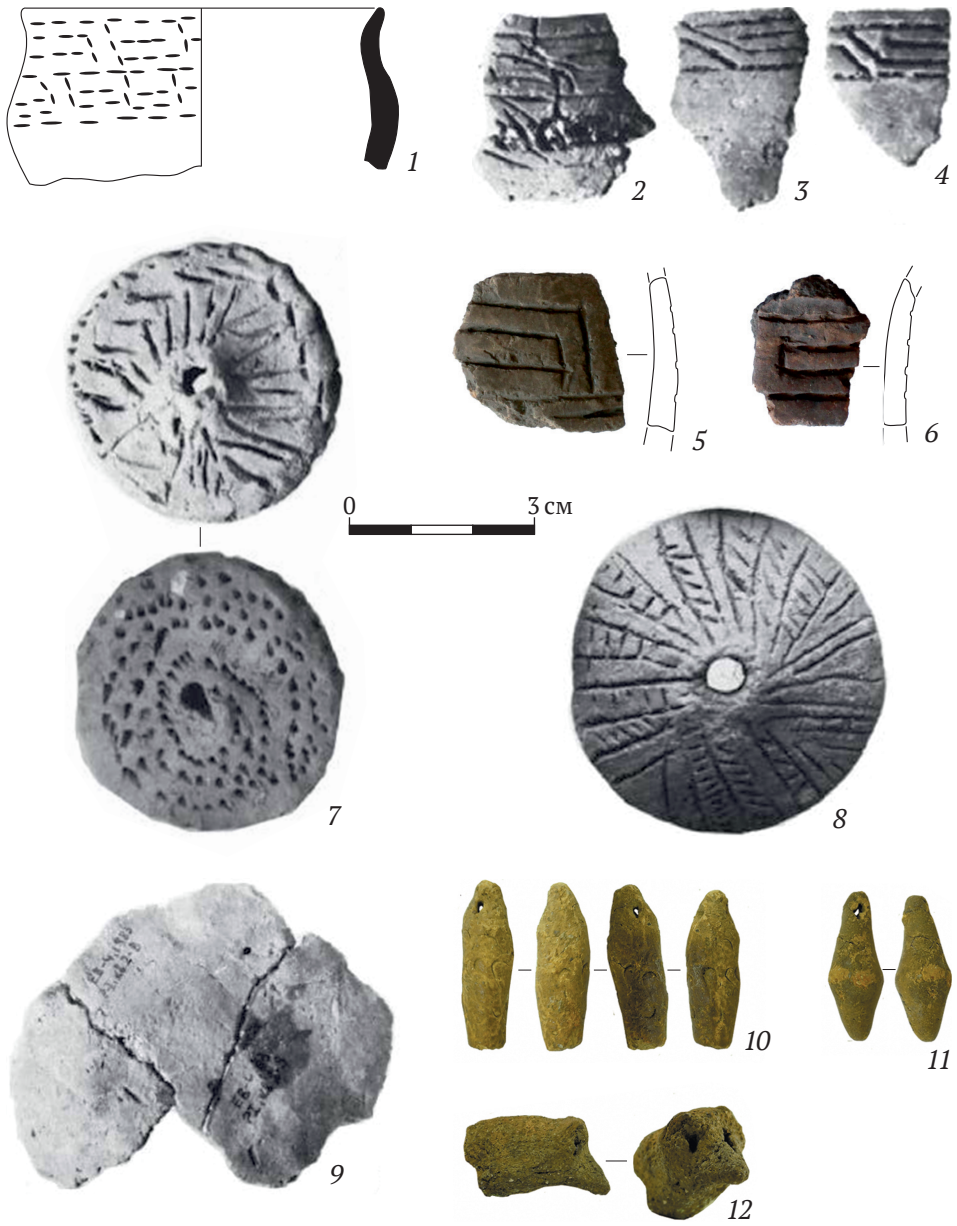

Рис. 4. Памятник Евстафий-4. Раскопки А.В. Гарковик 1983 г. Керамический комплекс: *1* — графическая реконструкция верхней части сосуда с меандром; *2—6* — фрагменты венчиков сосудов с меандром; *7*, *8* — пряслица; *9—12* — глиняные фигурки (*1* — по: Гарковик 2011: 38, табл. 5; *2—4* — по: Гарковик 2011: 40, табл. 7: 3—5; *5*, *6* — фотографии авторов данной статьи; *7—9* — по: Гарковик 2011: 41, табл. 8: 1, 5, 6; *10—12* — по: Панкина, Гарковик 2023: 44, табл. рис. 6: 1—3)

Таблица 1

Основные параметры реконструированных сосудов

Шифр, комплекс (К.)	Артефакт	Диаметр венчика (см)	Диаметр горловины (мин.) (см)	Высота горло-вины (см)	Диаметр тулова (макс.) (см)	Толщина стенок (см)	Диа-метр дна (см)	Толщина дна (см)	Рисунок
кв 4-Б-В, зач.; К. I	фр-т венчика	18,6	18,6	1,5	20,8	0,5	—	—	рис. 3: *3*
кв 4-В; (Ш-1-5)-29; К. I	верхняя часть сосуда	18,4	18	1	20	0,5—0,6	—	—	рис. 3: *5*
кв 4-Б; К. I	фр-т венчика	18,4	18	0,9	20,2	0,4—0,5	—	—	рис. 3: *7*
кв 4-Г, зач.; К. I	верхняя часть сосуда	22	22	0,9	23,2	0,4—0,5	—	—	рис. 3: *4*
кв 4-В, зач.; К. I	фр-т венчика	18	17,6	1,3	18,4	0,4—0,5	—	—	рис. 3: *2*
кв 3-Г; (Ш-1-5)-29; К. I	фр-т венчика	—	—	1	—	0,5—0,6	—	—	рис. 3: *10*
кв 5-Е, зач., 6-Е; К. II	фр-т венчика	18,4	18,4	1	19,6	0,4	—	—	рис. 3: *1*
кв 6-И; К. III	нижняя часть сосуда	—	—	—	—	0,5—0,8	8,2	0,6—0,7	рис. 3: *8*
кв 6-М; К. IV	фр-т венчика	—	—	1	—	0,5—0,6	—	—	рис. 3: *9*
кв 3-Л, зач; вне ком-плексов	фр-т венчика	—	—	—	—	0,3	—	—	рис. 4: *6*
траншея I	фр-т венчика	22,8	21,4	1,3	22	0,4—0,5	—	—	рис. 3: *6*
кв 12, п. 2; траншея I	фр-т венчика	—	—	—	—	0,3—0,4	—	—	рис. 4: *5*
Ев-4, 4 Г(?)	фр-т венчика	—	—	—	—	0,3	—	—	рис. 3: *14*

Коллекция макроботанических остатков представлена девятью пробами визуальной выборки[3]. Анализ описания культуросодержащих отложений (осветлённый гумусированный песок) (Гарковик 2011: 33) позволяет предположить, что макроботанический материал, представленный скоплениями карбонизированных остатков скорлупы, плодов, древесины и имеющий антрацитовую окраску, хорошо выделялся в слое. Исходя из этого и зная скрупулёзность А.В. Гарковик, можно полагать, что остатки растений фиксировались и выбирались из слоя в максимально полном объёме, и с некоторым допущением рассматривать данную коллекцию как репрезентативную.

Восемь проб (1—3, 5—9) получены из комплексов, одна проба (4) — вне их (табл. 2). Они изучались с использованием стереоскопического микроскопа Zeiss Stemmi-2000C при рабочем увеличении 5—50×. Во всех пробах найдены растительные остатки: фрагменты пищевых дикорастущих растений и древесины лиственных пород (табл. 2, рис. 2). В пробе 9 (комплекс I) присутствовали только фрагменты обгоревшей древесины. Остатки собираемых растений зафиксированы в заполнениях четырёх комплексов (II—V). Среди них идентифицированы фрагменты скорлупы орехов лещины (*Corylus* sp.) и маньчжурского ореха (*Juglans mandshurica*), жёлудя дуба, очевидно, монгольского (*Quercus* cf. *mongolica*) и плода дикой яблони (*Malus* sp.) (табл. 2).

Скорлупа маньчжурских орехов является самой многочисленной и часто встречающейся категорией остатков. Всего найдено 154 экз. По комплексам они распределены неравномерно. Наибольшее число отмечено в комплексах V и II, тогда как в III найден один фрагмент (табл. 3). Размеры фрагментов варьируются от 2,5 см до 0,1 мм, преобладают мелкие и средние (рис. 5: *3*).

Скорлупа лещины встречена вместе с остатками маньчжурских орехов, исключая пробу 3 (табл. 2, 3; рис. 2). Всего обнаружено 112 экз., большинство из них — средних и мелких размеров. Встречены отдельные крупные экземпляры длиной до 0,8—0,9 мм (рис. 5: *4*). Соотношение между количеством скорлупы ореха маньчжурского и лещины сходно в пробах и в комплексах — скорлупа ореха маньчжурского численно немногим превышает остатки лещины (табл. 2, 3).

Один фрагмент жёлудя получен из комплекса V, второй найден поблизости от этого комплекса. Первый представлен целой семядолей размерами 12,8—8,8—5,3 мм (рис. 5: *2*). По части этого образца получена AMS-дата $IGAN_{AMS}$—11662[4]. Второй экземпляр представлен

[3] На момент исследований памятника Евстафий-4 методика водной флотации не была введена в практику полевых археологических исследований в Приморье.

[4] Работы по датированию образцов памятника Евстафий-4 выполнены в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН (Москва, РФ) и Центра прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (Атенс, США).

Таблица 2

Видовые определения остатков пищевых дикорастущих растений

№	Местонахождение образца с указанием номера комплекса (К. I—V)	Орех маньчжурский (*Juglans mandshurica*), фрагмент скорлупы	Лещина (*Corylus* sp.), фрагмент скорлупы	Дуб монгольский, (*Quercus* cf. *mongolica*), фрагмент жёлудя	Яблоня (*Malus* cf. *baccata*), фрагмент плода	Всего
1	кв 6-М; К. IV	25	18			43
2	кв 6-Е; К. II	13	4			17
3	кв 6-З; К. III	1				1
4	кв 1-И; вне комплекса			1		1
5	кв 6-Е, зачистка в центре кв; К. II	15	11			26
6	кв 6-Е, зачистка; К. II	23	13			36
7	кв 2-М; К. V	17	7	1		25
8	кв 2-Л; К. V	60	59		1	120
9	кв 3-В, зачистка; К. I					0
Всего		154	112	2	1	269

Таблица 3

Количественное распределение макроостатков пищевых дикорастущих растений по комплексам

Комплекс	Всего остатков дикорастущих пищевых растений	Из них:			
		орех маньчжурский, фрагмент скорлупы	лещина, фрагмент скорлупы	дуб монгольский, фрагмент жёлудя	яблоня, фрагмент плода
Комплекс I					
Комплекс II	79	51	28		
Комплекс III	1	1			
Комплекс IV	43	25	18		
Комплекс V	145	77	66	1	1
Вне комплекса	1			1	
Всего	269	154	112	2	1

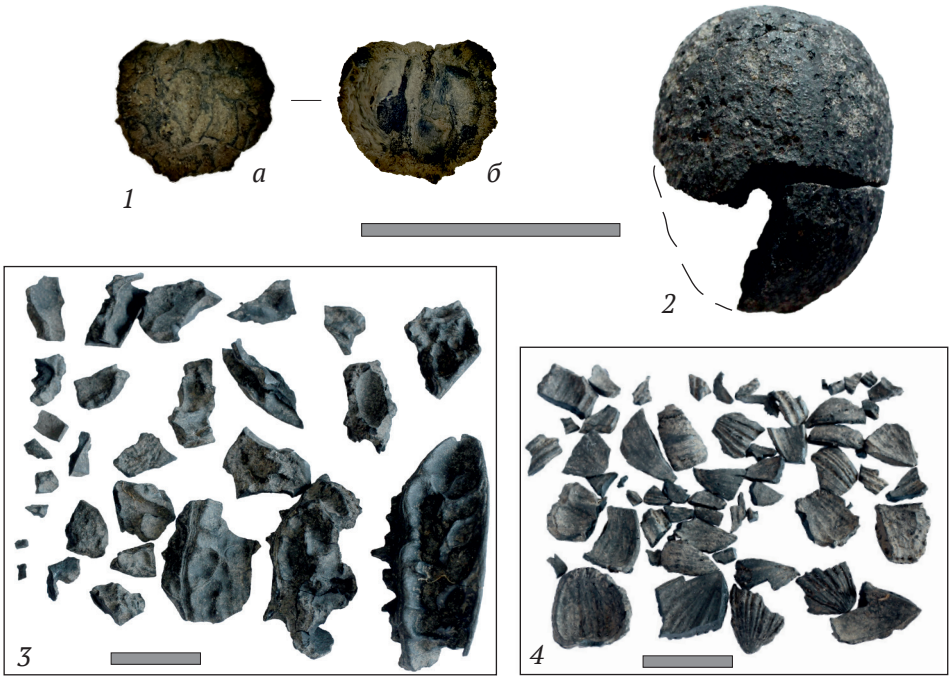

Рис. 5. Памятник Евстафий-4. Раскопки А.В. Гарковик 1983 г. Макроботанические остатки. Масштаб 1 мм. *1* — фрагмент плода яблони-дички (*Malus* cf. *baccata*), *а* — вид с внешней стороны, *б* — вид со стороны слома; *2* — семядоля жёлудя (*Quercus* cf. *mongolica*); *3* — фрагменты скорлупы ореха маньчжурского (*Juglans mandshurica*); *4* — фрагменты скорлупы лещины (*Corylus* sp.)

фрагментированной семядолей, чьи размеры сравнимы с размерами первого образца.

Фрагмент плода яблони найден в комплексе V. Это половина яблока размерами 5,5—6,3 мм (рис. 5: *1*). На его сломе хорошо видны две семенных камеры, а на внешней поверхности — несколько вмятин. Последнее позволяет предполагать, что на момент сгорания плод был подсохшим. Предварительно он отнесён к яблоне сибирской (*Malus* cf. *baccata*) на основании современного ареала этого вида (Усенко 1984). По образцу получена дата $IGAN_{AMS}$—11661.

Абсолютная хронология. Для датирования AMS-методом отобраны два образца плодов растений из комплекса V. Подобная выборка обусловлена стремлением получить даты для одного объекта по разным образцам, причём короткого срока хранения (жёлудь, плод яблони), для большей достоверности результатов. Получены два радиоуглеродных определения, калиброванные интервалы которых, несмотря на небольшое значение стандартного отклонения, достаточно широки и составляют 4292—4093 кал. л.н. (95,4%) ($IGAN_{AMS}$—11661) и 4234—3992 кал. л.н. (95,4%) ($IGAN_{AMS}$—11662)[5], а суммарный их диа-

[5] Процедура калибровки дат производилась в программе OxCal (v4.4.4) (https://c14.arch.ox.ac.uk/) на основе калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et al. 2020).

пазон — 300 лет. Поскольку оба образца принадлежат к короткоживущим частям растений, а формирование скопления рассматривается как единовременное событие, в программе OxCal (v4.4.4) был применён инструмент R_Combine. Комбинированная радиоуглеродная дата (X2-Test: df=1 T=2.0 (5% 3.8)) для комплекса V по двум образцам равна 3785±18 л.н., а её калиброванный интервал составил 4237—4091 кал. л.н. (95,4%), что позволило сократить вероятный хронологический диапазон в 2 раза (табл. 4).

ДИСКУССИЯ

К началу 80-х гг. XX в., когда исследовался памятник Евстафий-4, зайсановская культура позднего неолита, выделенная 20 годами ранее, оставалась слабо изученной. Проведение Аллой Викторовной Гарковик раскопок на Евстафии-4 было ещё одним шагом в череде многих других, сделанных нашими предшественниками. Постепенное накопление данных по позднему неолиту Приморья закономерно привело к усложнению представлений о зайсановской культуре и разработке её внутренней периодизации (Бродянский 1987), а позднее — к выделению культурно-хронологических групп (вариантов) (Яншина 2003; Яншина, Клюев 2005; Крутых 2012; Вострецов 2018). Приращение данных для этих вариантов продолжается. Особое значение имеют памятники с «чистыми» комплексами, исследование которых позволяет конкретизировать представления об отдельных вариантах. Недавнее изучение подобного комплекса юго-восточного ЛХВ на памятнике Водопадное-7 привело к разработке развёрнутой характеристики юго-восточного варианта. Это позволяет по-новому оценить материалы ранее исследованных памятников (Сопка Большая, Перевал, Под Липами, Сопка Булочка, Мелководная-2 и др.), одним из которых является Евстафий-4.

Авторы согласны с интерпретацией комплексов А.В. Гарковик как остатков лёгких наземных конструкций. Отсутствие котлованов долговременных построек, малая мощность отложений на участках с наземными сооружениями, состав и распределение артефактов и ботанических остатков свидетельствуют о непродолжительном периоде обитания. Близкое расположение комплексов друг к другу (2—3,5 м) на прибойно-намывном валу, где достаточно свободного пространства, различие их размеров позволяют предполагать их неодновременное бытование. Всё это даёт возможность рассматривать памятник Евстафий-4 как сезонную стоянку. Малочисленность и ограниченный набор орудий, отсутствие развалов сосудов и фрагментарность керамического материала связаны с оставлением стоянки в спокойной обстановке, когда пригодные для дальнейшего использования орудия и керамические ёмкости уносят с собой.

Орудийный набор Евстафия-4 в целом демонстрирует сходство с типолистом юго-восточного варианта ЗКТ: аналогичный набор орудий; использование только ретушированных наконечников стрел, морфология мотыг. Своеобразие комплекса, заключающееся в большом количестве галечных орудий, можно объяснить расположением памятника на побережье, где было достаточно подходящих галек, и его характером — сезонная стоянка.

Керамический комплекс Евстафия-4 идентичен материалам юго-восточного варианта ЗКТ. Самые полные аналогии прослеживаются в коллекции поселения Водопадное-7: в морфологии сосудов (ёмкости с короткой горловиной и выпуклыми высокими плечиками; ёмкости с горловиной, образованной отгибом венечной ленты; слабопрофилированные ёмкости с короткой вогнутой горловиной и слабоотогнутым или прямым простым венчиком); орнаментации косыми рядами одно- и разнонаправленных штрихов; наличии сосудов, декорированных меандром (Дорофеева и др. 2017; Клюев 2020). Спецификой орнаментации керамики Евстафия-4 являются ряды более компактных разнонаправленных штрихов со значительным (до 3 см) расстоянием между ними, в отличие от комплексов Водопадного-7 и Сопки Большой (Медведев 2015; Дорофеева и др. 2017).

Другая особенность Евстафия-4, как и некоторых других памятников юго-восточного варианта (Сопка Большая, Под Липами), — наличие сосудов с прочерченным вертикальным зигзагом, характерным для приханкайского варианта ЗКТ.

А.В. Гарковик отмечала значительную близость керамики Евстафия-4 с материалами маргаритовской культуры (Гарковик 2011: 45; 2013: 681—682). Сходство, по её мнению, фиксировалось по ряду признаков: морфология сосудов, способ оформления и декорирования венчика-карнизика, орнаментация зонально-поясковым узором тулова. Имеется единственный фрагмент (рис. 3: *2*), в котором А.В. Гарковик видела прямую связь с маргаритовскими комплексами.

По мнению авторов, керамическая коллекция Евстафия-4 единообразна в морфологии и орнаментике. Накопленные на сегодня сведения по маргаритовской культуре и ЗКТ, основанные на данных новых исследований и пересмотре известных коллекций, позволяют уверенно относить весь керамический комплекс Евстафия-4 к юго-восточному варианту ЗКТ.

Особое внимание А.В. Гарковик уделяла интерпретации керамических фигурок Евстафия-4, большая часть которых представлена обломками. Среди них ею были выделены ёж, змея, шляпка гриба, позднее — нерпа (Гарковик 1993; 2011: 43—44; 2013: 681; 2014: 39). Оставляя за рамками семантическую трактовку, отметим, что глиняные изделия мелкой пластики известны в комплексах памятников приханкайского (Синий Гай А, Новоселище-4) и хасанского вариантов (Гвоздево-4) (Бродянский 2013; Клюев 2000; Морева, Батаршев, Крутых 2016).

Результаты радиоуглеродного анализа комплекса V памятника Евстафий-4 помещают время его существования в интервале 4237—4091 кал. л.н., что полностью соответствует хронологии других памятников юго-восточного варианта ЗКТ, для которых имеются надёжные даты (табл. 4). Введение в научный оборот новых датировок не только фиксирует возраст исследуемого комплекса, но и существенно расширяет корпус источников по абсолютной хронологии этого ЛХВ.

Анализ макроботанических остатков показал присутствие в отложениях памятника многочисленных фрагментов скорлупы лещины и маньчжурского ореха[6], единичных остатков желудей и яблони-дички. Это типичные объекты растительного собирательства населения ЗКТ, найденные на многих памятниках (Сергушева 2008).

Остатки растений Евстафия-4, за единственным исключением, обнаружены в отложениях комплексов. При этом для комплексов II, IV, V выявлен идентичный набор — многочисленные фрагменты скорлупы лещины, маньчжурского ореха. Остатки желудей и плода яблони найдены только в комплексе V. Редкость этих находок сравнима с данными других зайсановских памятников и является, очевидно, следствием плохой способности этих остатков к сохранению.

Количественное соотношение между остатками двух видов орехов в комплексах II, IV, V в целом совпадает — везде незначительно преобладает скорлупа ореха маньчжурского. По-видимому, использование орехов у обитателей комплексов было организовано схожим образом. Отметим сходство реконструируемых размеров этих комплексов (≈9—12 м^2), что отличает их от двух других (I и III) более крупных объектов (≈20—25 м^2) (рис. 2).

Реконструкция памятника как сезонной стоянки позволяет рассматривать совокупность макроботанических находок в отдельных комплексах как результат краткосрочного накопления. Таким образом, можно интерпретировать количественные данные о находках скорлупы как показатель широкого использования орехов. Сроки созревания обнаруженных плодов приходятся на период с конца августа (лещина) по октябрь (орех маньчжурский, жёлуди) (Усенко 1984). Следовательно, в это время обитатели стоянки находились на ней[7]. Наиболее вероятной целью их присутствия в бухте с конца лета до середины осени, очевидно, была добыча и заготовка осенней кеты, идущей в этот период на нерест. Впадающая в бухту р. Гузева небольшая, протяжённостью не более 10 км, и количество нерестящейся в ней рыбы ограничено. Соответственно, численность ориентированного на этот

[6] В представленной коллекции не зафиксировано ни одного фрагмента скорлупы плодов сосны корейской, о которых упоминается в ряде работ А.В. Гарковик. По-видимому, за них ошибочно приняты мелкие фрагменты других орехов, которые можно легко перепутать, рассматривая их невооружённым взглядом.

[7] Возможность присутствия людей на стоянке в другие сезоны не исключается.

Таблица 4

Радиоуглеродная хронология памятников юго-восточного варианта ЗКТ

Памятник, объект	Метод	Материал	Лабораторный шифр	^{14}C, л.н.		Калиброванный интервал, л.н. 1δ (68,3%) / 2δ (95,4%)		Источник
Евстафий-4, *К. V*	AMS	фр-т плода яблони	$IGAN_{AMS}$—11661	3810±25	комбинированная дата 3785±18	4237—4153 / 4292—4093	интервал комб. даты 4230—4095 / 4237—4091	данная работа
Евстафий-4, *К. V*	AMS	фр-т жёлудя	$IGAN_{AMS}$—11662	3760±25		4221—4087 / 4234—3992		
Под Липами, *гл. 55 см*	LSC	древесина	СОАН-1532*	3635±30		3984—3895 / 4081—3849		Окладников, Медведев 2024
Под Липами, *гл. 55 см*	LSC	древесина	СОАН-1530	3915±50		4418—4255 / 4516—4158		
Водопадное-7, *жилище 1, кв.В/5 пл. 7*	AMS	семена *Panicum miliaceum*	Poz-96977	3885±35		4405—4254 / 4417—4158		Sergusheva et al. 2021
Водопадное-7, *жилище 2, кв.Е/14 пл. 6,*	AMS	семена *Panicum miliaceum*	Poz-99526	3925±30		4418—4297 / 4506—4246		
Водопадное-7, *жилище 1, кв.Е/6 пл. 7*	LSC	древесина	ИМКЭС-14С1864*	4036±65		4781—4417 / 4819—4300		Клюев 2020
Водопадное-7, *жилище 2, кв.Г/10 пл. 6*	LSC	древесина	ИМКЭС-14С1877*	4105±120		4821—4448 / 4874—4246		
Водопадное-7, *жилище 2, кв.Е/15 пл. 6*	LSC	береста	ИМКЭС-14С1880*	4265±130		5030—4581 / 5285—4446		

**Примечание.* Радиоуглеродные даты, не учтённые при определении хронологии юго-восточного варианта ЗКТ. Для поселения Водопадное-7 исключены LSC-определения по древесине; для памятника Под Липами не принималась во внимание аномально молодая для исследуемого комплекса дата.

ресурс коллектива также была лимитирована. Предположительно, речь может идти о нескольких (1—3) малых семьях.

По этнографическим данным, тунгусо-манчжурские народы Дальнего Востока в тёплое время года в местах промысла сооружали временные жилища или шалаши конической, полусферической, полуцилиндрической формы. Для каркаса использовались жерди или тальниковые ветви, скрепленные шестами, покрывали их ти́сками (листами выделанной берёсты), корой или другим материалом. Каждый раз такие постройки сооружались заново (Шренк 1899: 61—63; Старцев 2019: 132—135). Известны другие типы сезонных построек — корьевые жилища. Это шалаши с вертикальными стенами и двускатной крышей, сделанные из жердей и покрытые корой. Такие сооружения не отапливались, пища готовилась на костре, который находился рядом (Старцев 2019: 137—138).

Планиграфия исследованного на памятнике Евстафий-4 участка не противоречит приведённым описаниям временных построек. Совокупность всех данных и наблюдений позволяет предполагать, что Евстафий-4 использовался как сезонная стоянка небольшой группой носителей юго-восточного варианта ЗКТ, как минимум в период с конца лета по середину осени, очевидно, для вылова и заготовки осенней кеты. Предлагаемая реконструкция хорошо соотносится с данными о расположении большинства известных памятников юго-восточного варианта (Сопка Большая, Под Липами, Перевал, Олений, Козьмино-4, Мелководная-2 и др.). Их приуроченность к морскому побережью или берегам прибрежных лагун демонстрирует ориентированность этой части населения на использование морских и лагунных ресурсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ доступных материалов памятника Евстафий-4 позволил аргументированно связать его с юго-восточным ЛХВ ЗКТ. Полученные впервые для памятника ^{14}C даты безупречно вписались в представления о хронологическом интервале существования варианта. Стоянка Евстафий-4 маркирует на настоящее время северо-восточный предел ареала этого ЛХВ. Не исключено, что по мере накопления данных границы ареала будут расширяться.

Анализ растительных остатков продемонстрировал использование обитателями сезонных пищевых дикорастущих растений. Среди них идентифицированы остатки плодов четырёх видов растений, которые были собраны в относительно короткий промежуток времени — с конца лета до середины осени. Это наблюдение, сопряжённое с результатами анализа ландшафтной приуроченности памятника и характера распределения его археологического материала, позволяет реконструировать его как сезонную стоянку, посещаемую

по меньшей мере в осенний период небольшим коллективом с целью вылова и, очевидно, заготовки проходной рыбы. Памятник Евстафий-4 на сегодняшний день является единственной исследованной сезонной стоянкой носителей юго-восточного варианта.

Прошло почти 40 лет со времени изучения памятника Евстафия-4, и полученные Аллой Викторовной Гарковик данные заняли своё место среди других, позволив дополнить характеристику материальной культуры и расширить представление об образе жизни носителей юго-восточного варианта ЗКТ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ / REFERENCES AND SOURSES

Андреев Г.И. 1957. Поселение Зайсановка-1 в Приморье. *Советская археология*, № 2: 121—145.

Andreev G.I. 1957. The Settlement of Zaisanovka-1 in Primorye. *Sovetskaya arkheologiya*, No 2: 121—145. (In Russ.)

Андреев Г.И. 1960. Некоторые вопросы культур Южного Приморья III—I тыс. до н.э. *Материалы и исследования по археологии СССР. № 86. Труды Дальневосточной археологической экспедиции* / отв.ред. А.П. Окладников. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, т. 1: 136—161.

Andreev G.I. 1960. Some Aspects of the Cultures of Southern Primorye in the 3rd—1st Millennia BC. *Materials and Research on the Archeology of the USSR. No 86. Proceedings of the Far Eastern Archaeological Expedition*. Ed. by A.P. Okladnikov. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., vol. 1: 136—161. (In Russ.)

Андреев Г.И., Андреева Ж.В. 1962. Работы прибрежного отряда дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 году. *Краткие сообщения института археологии*, вып. 88: 93—101.

Andreev G.I., Andreeva Zh.V. 1962. Work of the Coastal Detachment of the Far Eastern Expedition in Primorye in 1959. *Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii*, iss. 88: 93—101.

Бродянский Д.Л. 1987. *Введение в дальневосточную археологию*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та.

Brodyanskiy D.L. 1987. *Introduction in the Far Eastern Archaeology*. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ. (In Russ.)

Бродянский Д.Л. 2013. *Синий Гай. Поселения неолита и бронзового века в Приморье.* Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та.

Brodyanskiy D.L. 2013. *Siny Gai. Neolithic and Bronze Age Settlements in Primorye*. Vladivostok, Izdatel'skiy dom Dal'nevost. federal. un-ta. Publ. (In Russ.)

Вострецов Ю.Е. 2005. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря. *Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы* / отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука: 159—186.

Vostretsov Yu.E. 2005. Interaction of Marine and Agricultural Adaptations in the Sea of Japan Basin. *Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries,*

Problems, Hypotheses. Ed. by Zh.V. Andreeva. Vladivostok, Dal'nauka Publ.: 159—186. (In Russ.)

Вострецов Ю.Е. 2018. Хронология и пространственное распределение памятников зайсановской культурной традиции в Приморье в контексте природных изменений. *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*, № 20: 40—65.

Vostretsov Yu.E. 2018. Chronology and Spatial Distribution of Zaisanovo Cultural Tradition Sites in Primorye in the Context of Natural Changes. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, No 20: 40—65. (In Russ.)

Вострецов Ю.Е., Гельман Е.И., Комото Масаюки, Миямото Казуо, Обата Хироки 2003. Новый керамический комплекс неолитического поселения Крауновка 1 в Приморье. *Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы междунар. конф.* Владивосток; Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН: 86—93.

Vostretsov Yu.E., Gel'man E.I., Komoto Masayuki, Miyamoto Kazuo, Obata Hiroki 2003. A New Ceramic Complex of the Neolithic Settlement Krounovka 1 in Primorye. *Problems of Archaeology and Paleoecology of Northern, Eastern, and Central Asia: Proceedings of the International Conference*. Vladivostok, Novosibirsk, Izd-vo IAE SO RAN Publ.: 86—93. (In Russ.)

Гарковик А.В. 1983. Поселение Евстафий-1 в Приморье. *Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий*. Владивосток: 16—24.

Garkovik A.V. 1983. The Settlement of Evstafiy in Primorye. *Materials on Ancient and Medieval Archeology of the South of the Far East of the USSR and Adjacent Territories*. Vladivostok: 16—24. (In Russ.)

Гарковик А.В. 1984. Поселение Евстафий в Приморье. *XXVII съезд КПСС и проблемы развития Дальнего Востока СССР и зарубежных государств Азии*. Владивосток: 24—25.

Garkovik A.V. 1984. The Settlement of Evstafiy in Primorye. *The 27th Congress of the CPSU and Problems of Development of the USSR Far East and Foreign Asian States*. Vladivostok: 24—25. (In Russ.)

Гарковик А.В. 1985. Исследования в бухте Евстафия в Приморье. *Археологические открытия 1983 года* / отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука: 195—196.

Garkovik A.V. 1985. Investigations in the Evstafiya Bay in Primorye. *Archaeological Discoveries of 1983*. Ed. by V.P. Shilov. Moscow, Nauka Publ.: 195—196. (In Russ.)

Гарковик А.В. 1987. Поселение Евстафий. *Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск: 185—186.

Garkovik A.V. 1987. The Settlement of Evstafiy. *Studies of Ancient Cultural Sites of Siberia and the Far East*. Novosibirsk: 185—186. (In Russ.)

Гарковик А.В. 1993. Находки мелкой пластики с неолитического памятника Евстафий-4. *Краеведческий вестник*, вып. 1. Владивосток: Примор. гос. музей им. В.К. Арсеньева: 102—107.

Garkovik A.V. 1993. Finds of Small Plastic Art from the Neolithic Site of Evstafiy-4. *Kraevedcheskiy vestnik*, iss. 1. Vladivostok, Primor. gos. muzey im. V.K. Arsen'yeva Publ.: 102—107. (In Russ.)

Гарковик А.В. 2011. Некоторые итоги исследования памятника Евстафий-4 (Восточное побережье Приморья). *Россия и АТР*, № 4: 32—47.

Garkovik A.V. 2011. Some Results of the Study of the Evstafiy-4 Site (Eastern Coast of Primorye). *Rossiya i ATR*, No 4: 32—47. (In Russ.)

Гарковик А.В. 2013. Евстафий-4 — памятник позднего неолита на восточном побережье Приморья. *Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее и будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011 г.)*. Владивосток: Дальнаука: 676—684.

Garkovik A.V. 2013. Evstafiy-4 — a Late Neolithic Site on the Eastern Coast of Primorye. *Pacific Russia in the Intercivilizational and All-Russian Space: Past, Present, and Future (7th Krushanov Readings, 2011)*. Vladivostok, Dal'nauka Publ.: 676—684. (In Russ.)

Гарковик А.В. 2014. Древние памятники ритуально-обрядовой практики в Приморье. *Мультидисциплинарные исследования в археологии* / отв. ред. Е.И. Гельман, Ю.Е. Вострецов. Владивосток: Дальнаука, 37—45.

Garkovik A.V. 2014. Ancient Sites of Ritual and Ceremonial Practice in Primorye. *Multidisciplinary Research in Archaeology*. Ed. by E.I. Gel'man, Yu.E. Vostretsov. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 37—45. (In Russ.)

Дорофеева Н.А., Белова И.В., Сергушева Е.А. 2025. Поздний неолит Приморья в свете исследований последних лет. *Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда*: в 3 т. / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.В. Поляков, П.В. Мандрыка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, т. I: 320—323.

Dorofeeva N.A., Belova I.V., Sergusheva E.A. 2025. The Late Neolithic of Primorye in Light of Recent Research. *Proceedings of the 7th (23rd) All-Russian Archaeological Congress*: in 3 vols. Ed. by A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, A.V. Polyakov, P.V. Mandryka. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., vol. I: 320—323. (In Russ.)

Дорофеева Н.А., Гридасова И.В., Клюев Н.А., Слепцов И.Ю. 2017. Новые аспекты в изучении зайсановской культурной общности в Приморье (по итогам исследования памятника Водопадное-7). *Россия и АТР*, № 3: 187—205.

Dorofeeva N.A., Gridasova I.V., Klyuev N.A., Sleptsov I.Yu. 2017. New Aspects in the Study of the Zaisan Cultural Community in Primorye (Based on the Results of the Study of the Vodopadnoe-7 Site). *Rossiya i ATR*, No 3: 187—205. (In Russ.)

Клюев Н.А. 2000. Миниатюрная маска-личина эпохи позднего неолита из Приморья. *Маска сквозь призму психологии и культурологии: Материалы Дальневост. науч.-практ. конф.* / отв. ред. У.Г. Хабибуллин. Владивосток: Изд-во ВГУЭС: 37—38.

Klyuev N.A. 2000. Miniature Late Neolithic Mask from Primorye. *Mask through the Prism of Psychology and Cultural Studies*. Ed. by U.G. Khabibullin. Vladivostok, Izd-vo VGUES Publ.: 37—38. (In Russ.)

Клюев Н.А. 2020. Поздний неолит Южного Приморья (по материалам поселения Водопадное-7). *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре.* Самара: СГСПУ, т. I: 151—152.

Klyuev N.A. 2020. Late Neolithic of Southern Primorye (Based on Materials from the Vodopadnoye-7 Site). *Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara.* Samara, SGSPU Publ., vol. I: 151—152. (In Russ.)

Крутых Е.Б. 2012. Зайсановская археологическая культура: проблемы интерпретации. *Россия и АТР*, № 1: 139—154.

Krutykh E.B. 2012. Zaisanovskaya Archaeological Culture: Problems of Interpretation. Rossiya i ATR, No 1: 139—154. (In Russ.)

Медведев В.Е. 2015. Неолитическое поселение на сопке Большой. *Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития* / отв. ред. Н.А. Клюев. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН: 84—102.

Medvedev V.E. 2015. Neolithic Settlement on Bolshoy Sopka. *Prehistoric Archeology of the Russian Far East and Adjacent Territories of East Asia: Current State and Development Prospects*. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ.: 84—102. (In Russ.)

Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Малков С.С. 2009. Предварительные результаты изучения неолитического памятника Гвоздево-4 в Южном Приморье. *От Монголии до Приморья и Сахалина* / отв. ред. Д.Л. Бродянский. Владивосток: Изд-во ДВГУ: 52—104.

Moreva O.L., Batarshev S.V., Dorofeeva N.A., Krutykh E.B., Malkov S.S. 2009. Preliminary Results of the Study of Gvozdevo-4 Settlement. *From Mongolia to Primorye and Sakhalin*. Ed. by D.L. Brodyanskiy. Vladivostok, Izd-vo DVGU Publ.: 52—110. (In Russ.)

Морева О.Л., Батаршев С.В., Крутых Е.Б. 2016. Мелкая глиняная пластика в позднем неолите Приморья (по материалам поселения Гвоздево-4). *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества* / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ: 71—78.

Moreva O.L., Batarshev S.V., Krutykh E.B. 2016. Small Clay Art in the Late Neolithic of Primorye (Based on Materials from the Gvozdevo-4 Settlement). *Russia and China: History and Prospects for Cooperation*. Ed. by D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk, Izd-vo BGPU Publ.: 71—78. (In Russ.)

Морева О.Л., Дорофеева Н.А., Рольгейзер Е.В., Малков С.С. 2017. Культурно-хронологические комплексы поселения Горный Хутор-11 в Черниговском районе Приморского края. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, № 12 (86), ч. 2: 138—145.

Moreva O.L., Dorofeeva N.A., Rol'geyzer E.V., Malkov S.S. 2017. Cultural and Chronological Complexes of the Settlement of Gorny Khutor-11 in the Chernigov District of Primorsky Krai. *Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, No 12 (86), part 2: 138—145. (In Russ.)

Морева О.Л., Попов А.Н., Фукуда Масахиро 2002. Керамика с верёвочным орнаментом в неолите Приморья. *Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: ДВО РАН: 57—68.

Moreva O.L., Popov A.N., Fukuda Masahiro 2002. Ceramics with Rope Ornamentation in the Neolithic of Primorye. *Archaeology and Cultural Anthropology of the Far East and Central Asia*. Vladivostok, DVO RAN Publ.: 57—68. (In Russ.)

Окладников А.П., Медведев В.Е. 2024. Исследование неолитического памятника Под Липами в Приморье (1976 год). *Археология, этнография и антропология Евразии*, № 52 (4): 98—105.

Okladnikov A.P., Medvedev V.E. 2024. Study of the Neolithic Site Pod Lipami in Primorye (1976). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii,* No 52 (4): 98—105. (In Russ.)

Панкина А.И., Гарковик А.В. 2023. Зооморфная пластика каменного века Приморья. *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*, № 39: 31—49.

Pankina A.I., Garkovik A.V. 2023. Zoomorphic Art of the Stone Age in Primorye. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, No 39: 31—49. (In Russ.)

Сергушева Е.А. 2008. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: археоботанические исследования. *OPUS: междисциплинарные исследования в археологии*, вып. 6: 180—195.

Sergusheva E.A. 2008. On the Emergence of Agriculture in Primorye in the Late Neolithic: Archaeobotanical Studies. *OPUS: mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii*, iss. 6: 180—195. (In Russ.)

Старцев А.Ф. 2019. Промысловые постройки тунгусо-маньчжуров Приамурья и Приморья (вторая половина XIX — начало XXI в.). *Россия и АТР*, № 2: 128—144.

Startsev A.F. 2019. Seasonal Subsistence Shelters of the Tungus-Manchus of the Amur and Primorye Regions (Second Half of the 19th — Early 21st Centuries). *Rossiya i ATR*, No 2: 128—144. (In Russ.)

Шренк Л.И. 1899. *Об инородцах Амурского края*. Санкт-Петербург. Т. 2.

Shrenk L.I. 1899. *On the Foreign Peoples of the Amur Region*. Saint Petersburg, vol. 2. (In Russ.)

Усенко Н.В. 1984. *Деревья, кустарники и лианы Дальнего Востока: Справочная книга*. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во.

Usenko N.V. 1984. *Trees, Shrubs, and Vines of the Far East: A Reference Book*. Khabarovsk, Khabarovskoye knizhnoye izd-vo Publ. (In Russ.)

Яншина О.В. 2003. К проблеме неоднородности зайсановской археологической культуры Приморья. *Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий*. Благовещенск: Изд-во БГПУ: 109—121.

Yanshina O.V. 2003. On the Problem of the Heterogeneity of the Zaisanov Archaeological Culture of Primorye. *Archaeology and Sociocultural Anthropology of the Far East and Adjacent Territories*. Blagoveshchensk, Izd-vo BGPU Publ.: 109—121. (In Russ.)

Яншина О.В., Клюев Н.А. 2005. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов. *Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы* / отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука: 187—233.

Yanshina O.V., Klyuev N.A. 2005. The Late Neolithic and Early Paleometal Period in Primorye: Identification Criteria and Characteristics of Archaeological Complexes. *Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries, Problems, Hypotheses*. Ed. by Zh.V. Andreeva. Vladivostok, Dal'nauka Publ.: 187—233. (In Russ.)

Reimer P.J., Austin W.E.N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng Hai, Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., Manning S.W., Muscheler R., Palmer J.G., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S.M., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake Fusa, Olsen J., Reinig F., Sakamoto Minori, Sookdeo A., Talamo S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0—55 cal kBP). *Radiocarbon,* vol. 62: 725—757.

Sergusheva E., Leipe C., Klyuev N.A., Batarshev S.V., Garkovik A.V., Dorofeeva N.A., Kolomiets S.A., Krutykh E.B., Malkov S.S., Moreva O.L., Sleptsov I.Yu., Hosner D., Wagner M., Tarasov P.E. 2021. Evidence of Millet and Millet Agriculture in the Far East Region of Russia Derived from Archaeobotanical Data and Radiocarbon Dating. *Quaternary International,* vol. 263: 50—67.

Дата поступления в редакцию 01.04.2026